

Комнатная Юлия Александровна

**ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ СТАТУТОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ДОКТРИНЕ О
МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ**

Статья раскрывает роль и значение теории статутов в формировании отечественной доктрины о международном частном (коллизионном) праве в дореволюционный период. Рассматриваются спорные вопросы происхождения теории статутов, отраженные в юридической литературе XIX - начала XX в., а также подходы российских правоведов (В. Э. Грабаря, Д. И. Мейера, Н. П. Иванова, Ф. Ф. Мартенса, О. О. Эйхельмана и др.) к пониманию сущности теории статутов, ее исторической роли и законодательной основы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/12-1/30.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. I. С. 125-130. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

в деятельности государственных органов, и опосредованном, т.е. делегированном, когда государством дано право, или возможность, наделять правовой формой обычные нормы иным субъектам, например сторонам договора.

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на традиционное выделение таких способов санкционирования обычаев, как законодательное, правоприменительное, административное и др., некоторые авторы ставят под сомнение как нормативное, так и судебное санкционирование: замечая, что правило обычая в первом случае становится законодательной нормой, а во втором – поглощается прецедентом, они предлагают определить применимость правовых обычаев не через перечисление возможных случаев, а наоборот – через закрепление случаев невозможных [9, с. 8, 19-20, 22].

Список литературы

1. **Белых В. С.** Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: монография. М.: Проспект, 2010. 236 с.
2. **Брагинский М. И., Витрянский В. В.** Договорное право. Изд-е 3-е, стереотип. М.: Статут, 2001. Книга первая. Общие положения. 848 с.
3. **Грязнов Д. Г.** Соотношение категорий обычного права и правового обычая в юридической науке. М. – Ставрополь: Илекса; Сервис-школа, 2003. 208 с.
4. **Малова О. В.** Правовой обычай как источник права: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 187 с.
5. **Мейер Д. И.** Русское гражданское право. М.: Статут, 2000. Ч. I. 246 с.
6. **Минасян Н. М.** Социалистические обычаи в системе источников советского права // Советское право, традиции, обычаи и их роль в формировании нового человека. Нальчик, 1972. С. 1-20.
7. **Новицкий И. Б.** Источники советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1959. 162 с.
8. **Покровский И. А.** История римского права. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», 1998. 560 с.
9. **Поротиков А. И.** Обычай в гражданском праве РФ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 25 с.
10. **Сарбаш С. В.** Право удержания как способ обеспечения исполнения обязательств. М.: Статут, 1998. 258 с.

NOTION AND WAYS OF CUSTOMS SANCTIONING IN RUSSIAN LAW

Valeriya Nikolaevna Kozlova

*Department of Civil Law and Process
Khakass State University named after N. F. Katanov
kozlovavn@mail.ru*

The author studies one of the features of custom as the source of the Russian law - its sanctioning by the state, reveals the notion of sanctioning and existing in scientific literature points of view on the meaning and sense of sanctioning, determines the goals of customs sanctioning, and considering the ways of customs sanctioning, emphasizes the state sanctioning and its differentiation as legislative, law enforcement, departmental, contractual and implied.

Key words and phrases: custom; business intercourse custom; sanctioning; state sanctioning; legislative sanctioning; direct sanctioning; implied sanctioning.

УДК 341.9(091)(4/9)“17/18”

Юридические науки

Статья раскрывает роль и значение теории статутов в формировании отечественной доктрины о международном частном (коллизийном) праве в дореволюционный период. Рассматриваются спорные вопросы происхождения теории статутов, отраженные в юридической литературе XIX – начала XX в., а также подходы российских правоведов (В. Э. Грабаря, Д. И. Мейера, Н. П. Иванова, Ф. Ф. Мартенса, О. О. Эйхельмана и др.) к пониманию сущности теории статутов, ее исторической роли и законодательной основы.

Ключевые слова и фразы: теория статутов; учения о коллизиях; коллизийное право; история права; доктрина международного частного права.

Юлия Александровна Комнатная, к.ю.н.

*Кафедра административного и международного права
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
komnatnaya2009@yandex.ru*

ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ СТАТУТОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ДОКТРИНЕ О МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ[©]

Статья подготовлена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Государственное соглашение № 14.A18.21.0725.

Неоднозначность и многогранность природы международного частного права во все времена воодушевляла правоведов на поиск универсальных правил разрешения международных и межобластных коллизий. Несмотря

на долгую историю поисков, эта тема и сегодня остается актуальной. Специфичность и многообразный спектр частноправовых отношений, входящих в предмет международного частного права, не позволяет использовать единый подход в разрешении возникающих конфликтов, порождая нестабильность судебной практики.

Идея о создании коллизионной теории, удовлетворяющей всем особенностям трансграничных отношений, возникла довольно давно, однако спустя столетия ученые по-прежнему не могут дать законодателю и правоприменителю однозначного ответа. Та или иная теория о коллизиях временно захватывала первенство, доминировала в законодательстве и практике, но, ни одна из них, так и не смогла прочно закрепиться в науке без оговорок и перспектив доработки.

Традиционно первым учением о коллизиях принято называть теорию статутов или статуарную теорию, зародившуюся, как утверждало большинство ученых, в XII–XIII вв. в Италии. В тот период юридическое образование в основной своей массе получали исключительно в итальянских университетах, изучая римское право [1, с. 8]. Кроме того, именно в XII в. города Ломбардии стали настолько могущественными, что каждый из них имел собственные статуты, на которые практически не влияли законы германского императора, однако при этом в силу вновь входило римское право. По причине данных обстоятельств возникла необходимость разграничить сферы действия римского права и местных статутов, а также разрешать межобластные коллизии [7, с. 6]. Обращение к римскому праву не способствовало решению проблемы, так как, по мнению М. И. Бруна, «прямых ответов там не могло быть, просто потому, что римское право не знало вовсе конфликтных вопросов» [1, с. 8]. Однако в это же время В. Э. Грабарь утверждал следующее: «На пространстве, занятом Римской Империей, образовалось, таким образом, двоякое гражданское право: общее для всей Империи римское право, или гражданское право в собственном смысле (*jus civile*), и особое право отдельных территориальных союзов, частей римской Империи, так называемое статутное...» [3, с. 60]. По мере развития международного общения, как отмечал ученый, возникла необходимость разрешения столкновений между статутами различных территориальных союзов, что послужило появлению учения о статутах, которое легло в основу современного международного частного права. Более того, относительно природы теории статутов В. Э. Грабарь писал, что она «была первоначально не просто теорией, не только учением, а совокупностью норм, почерпнутых из римского права, и, следовательно, формально обязательных в пределах римской империи» [Там же, с. 212]. Однако в работе М. И. Бруна по данному вопросу содержится иное замечание, отмечающее, что, начиная со II в. «исчезла всякая возможность конфликтов между законами разных народов, входивших в состав империи, потому что на всех одинаково распространялось действие римского права... объективно юристы XIII в., обращаясь за ответами туда, где их не могло быть, делали ошибку» [1, с. 9]. Идею М. И. Бруна в данном вопросе впоследствии развил А. Н. Мандельштам, указывая, что «крылья итальянской мысли были спутаны двумя фикциями: о ненарушимости римских текстов и о главенстве германского императора над всем миром» [7, с. 8]. Таким образом, даже в вопросе возникновения самой статутной теории, истинности ее основы и значения в праве до сегодняшнего дня имеет место много неразрешимых проблем.

Однако, несмотря на существующие противоречия, теория статутов оформилась в учение, которое распространило свое действие на территории Франции, Германии, Голландии и Бельгии, образовав несколько школ: итальянскую, построенную на «духе справедливости»; французскую о трех статутах: личном, реальном и смешанном; и голландскую, основанную на принципе территориальности [Там же, с. 7]. В результате оформления школ теории статутов постепенно сложилось понимание о наличии единой области правовых знаний о коллизиях разноместных законов. Согласно утверждения М. И. Бруна, «основателями науки международного частного права были те самые итальянские и французские юристы XIV в., от которых ведет свое начало новая европейская юриспруденция» [1, с. 16]. При этом с середины XIX в. в юридической науке всех цивилизованных государств наметилась тенденция к полному отрицанию статуарной теории.

Международное частное право в отечественной дореволюционной юриспруденции имело определенную специфику. Самостоятельные работы по международному частному праву, если не считать диссертацию Н. П. Иванова, появились на рубеже XIX–XX вв. В основном вопросы коллизий разноместных законов кратко раскрывались в учебных курсах по общей теории, международному, государственному и гражданскому праву.

Одним из первых сочинений, где была частично озвучена теория статутов, можно считать «Чтения по гражданскому праву» Д. И. Мейера, при этом она рассматривалась не самостоятельно, а с учетом существовавшей уже к тому времени коллизионной теории Савиньи. Для разрешения конфликтов, возникающих между законами разных местностей, Д. И. Мейер предлагал применять теорию трех статутов, соответствующих местам, имеющим юридическое значение (место жительства лица, определяемого местом рождения, место нахождения имущества и место совершения юридического действия). Исходя из общепринятых зарубежных учений в данной области, Д. И. Мейер считал целесообразным использовать три основные коллизионные привязки: личный статут – *statuta personalia*, реальный статут – *statuta realia*, а также смешанный статут – *statuta mixta* [9, с. 58–59]. Что соответствовало французской школе теории статутов, лишь в некоторых частных вопросах прослеживается влияние теории Савиньи. Таким образом, теория статутов с оговорками об аспектах правоотношений, освоенных иностранным элементом, вошла в отечественную юридическую науку.

Следующее упоминание теории статутов в отечественной юридической литературе имело место в работе ученика Д. И. Мейера Н. П. Иванова, выпустившего первую работу, посвященную исключительно международному частному праву. Н. П. Иванов выстроил оригинальную, для своего времени, теорию, доказывая международный характер конфликтного права. Определяя предпосылки возникновения самой идеи международной юрисдикции, он в первую очередь обратил свое внимание на теорию статутов, развитие которой

продолжалось вплоть до XIX в. и нашло свое закрепление в законах Франции, Англии, Германии и США [5, с. 66]. Н. П. Иванов предложил собственную периодизацию эволюции развития теории статутов, до XIX в. все представители данного направления рассматривались им как древние, с XIX в. в качестве новых [Там же, с. 67]. Несмотря на жесткую критику теории статутов на Западе, Н. П. Иванов, отмечая ее долговечность (действие более трех столетий), указывал, что «отдельные положения теории статутов во многих отношениях ведут к довольно справедливым практическим последствиям» [Там же, с. 68]. Однако при этом Н. П. Иванов полностью отвергал основу теории статутов «*comitas gentium ob reciprocam utilitatem*»¹, заявляя, что это «не более как пустая фраза» [Там же]. Причина популярности теории статутов, по мнению Н. П. Иванова, крылась в простом практическом такте некоторых писателей [Там же]. Он полагал, что теория не дает четкого разграничения отношений, соответственно, абсолютно невозможно выяснить, в каком случае применяется личный статут, а в каком - реальный. Рассматривая правоотношения более детально, Н. П. Иванов столкнулся с проблемой использования принципа *lex rei sitae*. Он утверждал, что в отношении вещного права принцип силы местного интереса для каждого государства, используемый в теории статутов, абсолютно справедлив, тогда как в отношении правоспособности лица «эта теория ведет к такому практическому неудобству, что одно и то же лицо получает разную правоспособность в отношении своей недвижимой собственности, находящейся за границей, и в отношении своего остального имущества» [Там же, с. 81-82].

Таким образом, Н. П. Иванов, отмечая некоторые противоречивые моменты теории статутов, находит ее вполне состоявшейся. Не отказываясь полностью от положений статуарной теории, предлагает лишь корректировать некоторые правила, прибегая к помощи коллизионной теории Савиньи. Несмотря на то, что именно с помощью последней он вывел собственные коллизионные правила, в их основу традиционно легла статутная теория.

В рамках государственного права вопросы территориального действия законов затрагивал А. Д. Градовский. Ученый говорил о необходимости разграничивать три вида отношений, которые определяются коллизионным правом. Он считал, что нужно различать: «1) законы, касающиеся имущества лица (*statute realia*), 2) законы, которыми определяется правоспособность, юридическое положение отдельных личностей (*statute personalia*) и 3) законы, имеющие в виду договорные отношения различных лиц (*statute mixta*)» [4, с. 122]. На первый взгляд, ученый озвучил классические правила статутной теории, однако при детальном изложении данного вопроса А. Д. Градовский последовал за современниками, отдавая предпочтение взглядам Савиньи и Кальво [Там же, с. 123-124]. Но, несмотря на это, в основу коллизионных отношений А. Д. Градовский также заложил классическую теорию статутов.

Представитель общетеоретического направления Е. Н. Трубецкой относил вопросы коллизии разноместных законов к предмету международного права, однако в своих лекциях по энциклопедии права выразил свое отношение к данной проблеме. Ученый указывал, что все современные государства разрешают столкновения разноместных законов на основании «так называемой статуарной теории» [12, с. 208]. Раскрывая сущность теории статутов, Е. Н. Трубецкой рассматривал не только три вида статутов - личный, вещный и смешанный, но и отмечал важность природы правоотношения, которое определяется каждым из указанных статутов, тем самым отсылая нас к теории Савиньи.

Среди представителей международного направления международного частного права статутная теория не имела такой популярности. В основной своей массе юристы-международники либо ее отвергали, либо раскрывали с учетом более современной теории. В частности, М. Н. Капустин в своих лекциях по международному праву, обращаясь к теории статутов, не делал никаких критических замечаний, отмечая лишь, что «учение о конфликте законов получило характер по преимуществу международный» [6, с. 235]. Этот аспект он связывал с тем, что «личным статутам придавался космополитический характер, а вещным - территориальный» [Там же].

Поддерживая сложившуюся за рубежом традицию, Ф. Ф. Мартенс подверг критике теорию статутов. «Неточность статутной теории, - писал Ф. Ф. Мартенс, - сознавали сами ее творцы, и, чтобы выйти из затруднений, допускали множество исключений из установленных общих правил» [8, с. 295].

В свою очередь, О. О. Эйхельман, критикуя общепринятое название, указывал, что «международное частное право» - неудачное наименование для коллизионного права и поддерживал прежнее - «коллизия статутов», начала которой применялись во всех цивилизованных государствах [13, с. 113]. Рассматривая историю вопроса, О. О. Эйхельман отмечал, что «распространению значения учения коллизии статутов содействовало, главным образом, то обстоятельство, что в основании его легло римское право, хотя и с иным применением, а за римским правом признано значение космополитическое» [Там же]. Кроме того, при изучении современного состояния науки, ученый обращал внимание на тот факт, что «во всех цивилизованных государствах признают выработанные начала коллизии статутов» [Там же], тем самым отдавая предпочтение более ранней теории.

В своих лекциях по международному праву Д. П. Никольский выделил вопросы международного частного права в отдельную главу под заглавием: «Теория статутов. - Столкновение законов. - Основные начала международного частного права» [10, с. 51]. Таким образом, само название лекции уже говорило о том, какой позиции придерживался автор. При изложении основ международного частного права, в отличие от своих коллег, он следовал теории статутов. Им предлагалось использовать личный закон физических лиц при определении совершеннолетия, права и дееспособности, брачных отношений, что практически не соответствовало нормам действующего российского законодательства. Тем самым, описывая личный статут, он больше склонялся к применению общепринятых правил средневековой Европы, нежели применения

¹ Лат. - международная вежливость для взаимной пользы.

«законов и обычаев» российского государства конца XIX – начала XX в. При этом смешанный статут он относит одновременно и к лицам, и к имуществу, несколько видоизменяя французскую теорию.

Отдавая дань статутарной теории, Д. П. Никольский все же находил ее несколько устаревшей, предлагая использовать «руководящий принцип науки международного частного права, точно выраженный Савиньи» [Там же, с. 52]. Таким образом, он предлагал в каждом споре выяснять сначала характер правоотношения, а затем решать вопрос применения к нему иностранного или отечественного закона. Отдавая предпочтение национальному закону, Д. П. Никольский считал практику его применения более разумной по отношению к практике применения закона местожительства. Это была не первая попытка осуществить синтез статутарной теории и коллизионной теории Савиньи.

Крайне уважительно к статутарной теории относился В. Э. Грабарь. Он полагал, что международное частное право изначально существовало как отрасль права. Это понимание исчезло со временем, когда обязательность римского права утратила прежнее значение, а статутная теория «потеряла свое положительно-правовое основание и стала, действительно, только учением» [3, с. 215]. Правда, как замечает и сам ученый, проблема столкновения законов не исчезла вместе с римским правом, а приобрела еще более существенное значение. Кроме того, те правила теории статутов, которые применялись на практике, настолько крепко вошли в юридическую систему, что автоматически продолжали свое действие, правда, в сложившихся обстоятельствах стали требовать более современного объяснения их применения, и как отмечает ученый, «оно найдено было во взаимной предупредительности государств, в так называемой международной вежливости (*comitas gentium*), которой английские юристы и поныне объясняют юридическую силу международного частного права. Другой выход указала теория естественного права. Как бы то ни было, мы можем сказать, что современное международное частное право, в своих главных основаниях, покоится на трудах постгlossаторов, которые воздвигли его, если не прямо на нормах римского права, то, во всяком случае, на представлении об их обязательности для всех христианских народов западного мира» [Там же, с. 215-216]. Продолжая перечислять заслуги теории статутов в становлении и развитии современного международного частного права, В. Э. Грабарь указал следующее: «До Бартола юристы ставили себе задачу – решить, применимы ли статулы данной общины к посторонним лицам (иностранцам); при этом рассмотрению подвергались пять вопросов международного частного (и уголовного) права: преступление, договор, завещание, наследование и из вещного права – вопрос об общности обладания имуществом. Бартол к первой задаче (о применении статутов в пределах территории к иностранцам) присоединил вторую – о применении статутов за пределами территории, и, таким образом, привлек к рассмотрению оба основных вопроса современного международного частного права» [Там же, с. 217]. Тем самым ученый отмечал, что круг вопросов современного международного частного права благодаря теории статутов практически полностью сформировался еще в средневековье, кроме того, был сделан акцент на самостоятельности этого учения без обобщения его с международным правом. Им также было доказано, что критикуемая теория статутов изначально существовала как действующее право, трансформировавшись с течением времени в учение, хотя, как отмечает и сам В. Э. Грабарь, несмотря на это она прочно вошла в практику, закрепившись там, как незыблемые правила.

Среди цивилистов наиболее полно основы статутарной теории раскрыл Ю. С. Гамбаров. Он отмечал, что, несмотря на многолетние исследования в этой области, теория статутов не смогла создать стройной системы решения вопросов и не отвечала условиям стабильности [Там же, с. 297]. Главной ошибкой, по мнению Ю. С. Гамбарова, стало то, что теория не выработала четкого определения статутов, в результате чего происходило смешение реальных и персональных статутов. «Так, идея абсолютного суверенитета, - указывал ученый, - может сделать все статулы реальными... идея персонального статута может быть так распространена, что ею было бы поглощено всякое начало территориальности» [Там же]. Столь длительное господство теории статутов Ю. С. Гамбаров объяснял «ее стремлением к общему праву» [Там же, с. 298], а слабым местом теории называл создание персонального статута – «это главное нововведение теории статутов, - было брешью, пробитой в системе территориальных законов» [Там же]. С точки зрения практики, статутная теория исходила из положения о том, что «статулы не выходят за пределы действия той власти, которая их издает» [Там же, с. 299]. Однако, как отмечал Ю. С. Гамбаров, бесконечное множество исключений как раз было направлено на выход статутов за пределы издающей их власти, это, в конечном счете, привело к тому, что основное правило утратило свое первоначальное значение. В данном виде теория статутов стала угрозой для суверенитета государства. Именно с этим фактом Ю. С. Гамбаров связывал закат теории статутов. Все последующие попытки трансформации теории статутов ученый подверг жесткой критике. Анализируя учение *comitas gentium*, предложенное голландским юристом XVII в. *Voet'om*, ученый писал: «частное международное право было у glossаторов не делом произвола и милости отдельных законодателей, а настоящим и юридически обоснованным правом, переступавшим только границы отдельных государств» [Там же, с. 302-303]. Еще один недостаток последней теории Ю. С. Гамбаров находил в том, что, рассматривая *comitas gentium* «как основание частного международного права, пришлось бы предоставить каждой стране, оценивать со своей точки зрения, естественно изменчивой, и тот интерес, который побуждает ее применять в том или другом случае иностранный закон» [Там же, с. 303]. Ученый считал, что такой подход к коллизионному праву приведет только к накоплению прецедентов в области коллизий законов, что введет путаницу и неограниченную сложность в установлении истины. Помимо данной проблемы Ю. С. Гамбаров также выделял проблему неоднозначности категориально-понятийного аппарата коллизионного права, отмечая, что «эти определения вообще скудны и отражают на себе глубокое влияние статутной теории со всеми ее достоинствами и недочетами» [Там же, с. 310]. Таким образом, несмотря на критические замечания в сторону статутарной теории,

Ю. С. Гамбаров отметил ее лидирующее значение не только в вопросе выработки коллизионных правил, но и в формировании основных категорий международного частного права. Ученый абсолютно справедливо отмечал, что, кроме критики статутарной теории, юридическая наука за достаточно длительный период времени не предложила ни новых понятий, ни каких-либо более четких определений старых категорий. Соответственно, на рубеже XIX–XX вв. юриспруденция в области международного частного права по-прежнему использовала инструментарий средневековой теории статутов. Между тем в конце XIX в. в общих учебных курсах относительно теории статутов основательно закрепилось мнение о ее несостоятельности в силу неопределенности ее положений, при этом, как отмечал В. Рихтер, «несмотря однако на те или другие недочеты, статутная теория, тем не менее, имела в свое время большое значение, так как дала толчок к изучению вопросов международного частного права» [11, с. 129].

В начале XX в. вопросы противоречивости статутарной теории поднял А. Н. Мандельштам. Так, ученый отмечал, что «признавая вместе с Лэне громадное значение и достоинство метода итальянской теории статутов, я не могу зато разделить его увлечения основным принципом, вдохновляющим статуариев принципом справедливости или природы вещей. Это начало носит слишком метафизический и субъективный характер, для того, чтобы лечь в основании системы международного частного права» [7, с. 37–38]. А. Н. Мандельштам считал основание теории статутов – «мерило справедливости» – явлением условным, субъективным, которое не может обеспечить стабильность при осуществлении практики. Главной помехой в практической реализации данной теории, по мнению ученого, «служил культ римского права, который не позволял им давать распространительную силу статутам, расходящимся с *jus commune*» [Там же, с. 39]. При этом он заметил, что «в основании французской доктрины лежит верная мысль» [Там же, с. 81]. Ученый связывал эту мысль со стремлением объединить «все разнообразие международных отношений частных лиц одной общей идеей» [Там же], что было им, приверженцем идеи международного общения, истолковано с положительной точки зрения. А. Н. Мандельштам, критикуя основные положения теории статутов, как и Ю. С. Гамбаров, между тем находил ее достаточно рациональной. Несмотря на отрицание статутарной теории, все без исключения последующие учения о международном частном праве неизменно отталкивались от ее основных положений, что в итоге связано с фундаментальностью правил *statute realia*, *statute personalia* и *statute mixta*.

Таким образом, теория статутов, несмотря на противоречивость ее инструментария, прочно закрепились в отечественной юридической науке. К сожалению, в России отсутствуют работы, анализирующие теорию статутов во время ее неоспоримого господства, в связи с чем очень сложно проследить, как менялось отношение к основам статутарной теории. Отечественная юридическая наука восприняла теорию статутов во время ее низложения вместе с критикой и отрицанием основных положений. Лишь в контексте исторического анализа немногие ученые смогли объективно оценить положения теории статутов, объясняя ее значение и степень влияния на формирование законодательства европейских государств. При этом даже среди историков права, исследовавших вопросы возникновения и развития теории статутов, возникла дискуссия по ряду моментов. Открытыми остались вопросы о наличии в римском праве отдельного конфликтного права, о значении трех статутов, о трансформации действующего римского права в теоретическое учение и др. Вследствие недостижения единства во взглядах по указанным вопросам, возникло то многообразие точек зрения и авторских позиций на предмет природы и значения теории статутов, необходимости и целесообразности ее применения, возможности законодательного закрепления ее положений. Между тем роль теории статутов в формировании отечественной доктрины международного частного права дореволюционного периода неоспорима. Ни один ученый, исследовавший вопросы международного частного права, не оставил теорию статутов без внимания. Критика или одобрение положений статутарной теории, тем или иным образом, способствовали ее изучению и развитию, она и в XIX – начале XX в. по-прежнему оказывала значительное влияние на эволюцию учений о международном частном праве.

Список литературы

1. Брун М. И. Очерки истории конфликтного права. I. Конфликтное право постглоссаторов (XIII–XV вв.). II. Теория статутов (XVI–XVIII вв.). М., 1915. 106 с.
2. Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть. Лекции, читанные в Московском университете. Издание 1897–1898 гг. М., 1899. 766 с.
3. Грабарь В. Э. Римское право в истории международно-правовых учений. Элементы международного права в трудах легистов XII–XIV вв. Юрьев, 1901. 293 с.
4. Градовский А. Д. Начала русского государственного права. СПб., 1875. 712 с.
5. Иванов Н. П. Основания частной международной юрисдикции // Золотой фонд российской науки международного права. М., 2009. Т. II. 464 с.
6. Капустин М. Н. Международное право: конспект лекций // Золотой фонд российской науки международного права. М., 2007. Т. I. 368 с.
7. Мандельштам А. Н. Гаагские конференции о кодификации международного частного права: в 2-х т. СПб., 1900. Т. I. Кодификация международного частного права. 847 с.
8. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Изд-е 4-е, испр. и доп. СПб., 1900. Т. II. 614 с.
9. Мейер Д. И. Русское гражданское право (чтения Д. И. Мейера). Общая часть. Казань, 1858. Вып. I. 90 с.
10. Никольский Д. П. Международное право. Популярные лекции для научного самообразования. СПб., 1903. 210 с.
11. Рихтер В. Краткий курс по международному праву. Составлен применительно к программе юридической комиссии по Мартенсу, Стоянову, Даневскому и др. Киев – Одесса, 1894. 219 с.
12. Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1909. 227 с.
13. Эйхельман О. О. Очерки из лекций по международному праву. Киев, 1900. Вып. 1. 130 с.

SIGNIFICANCE OF STATUTES THEORY IN NATIVE PRE-REVOLUTIONARY DOCTRINE ON PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Yuliya Aleksandrovna Komnatnaya, Ph. D. in Law
Department of Administrative and International Law
Belgorod State National Research University
komnatnaya2009@yandex.ru

The author reveals the role and significance of statutes theory in the formation of the national doctrine on private international (collision) law during the pre-revolutionary period, considers the controversial questions of statutes theory origin as reflected in the legal literature of the XIXth – the beginning of the XXth century, and describes the approaches of the Russian jurists (V. E. Grabar', D. I. Meier, N. P. Ivanov, F. F. Martens, O. O. Eikhel'man, etc.) to the understanding of statutes theory essence, its historical role and legislative framework.

Key words and phrases: statutes theory; doctrines on collisions; collision law; history of law; doctrine on private international law.

УДК 330.111.62

Философские науки

Статья раскрывает сущность феномена собственности как экономической категории с позиций социально-философского анализа оснований распределения продукта общественного производства. Сопоставляются руссоистская мифология, экономический детерминизм Маркса и предлагается оригинальная версия причин присвоения и форм собственности.

Ключевые слова и фразы: собственность частная и общественная; формы: индивидуальная, групповая, корпоративная, массовая и общенародная; национализация; приватизация; смешанная экономика.

Виктор Васильевич Крюков, д. филос. н., профессор
Кафедра философии
Новосибирский государственный технический университет
krukov@fgo.nstu.ru

РУССО, МАРКС И ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ[©]

Бенджамин Франклин начинал текст американской конституции знаменитыми словами: все люди рождаются равными, и от природы они наделены неотъемлемыми правами на жизнь, свободу и стремление к счастью. Права же гражданина в обществе обеспечиваются принципом неприкосновенности частной собственности. Ещё кумир Франклина Жан-Жак Руссо прославился своей эпатажной критикой «цивилизованного» общества. Уже в своём первом, нашумевшем трактате о нравах (*Discours sur les Sciences et les Arts*, 1750), он заявлял, что «...добродетель исчезала по мере того, как их (*наук и искусств – В. К.*) сияние поднималось всё выше и выше над нашим горизонтом и то же явление наблюдалось повсеместно» [6, с. 14].

Тем более шокирующей была его точка зрения на «священную корову» буржуазного общества – частную собственность. В трактате «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (*Discours sur l'origine et les fondements de l'inegalite parmi les homes*, 1755 г.) он писал, что возникновение собственности изначально связано с обманом. «Первый, кто огородил участок земли, придумал заявить “Это моё!” и нашёл людей, достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества» [5, с. 72].

Правда, Руссо прекрасно понимал, что вернуться к естественной простоте нравов невозможно, а собственность есть необходимый атрибут цивилизации. В статье для энциклопедии «О политической экономии» (1755 г.) он утверждал, что «право собственности – это самое священное из прав граждан и даже более важное в некоторых отношениях, чем свобода» [4, с. 271]. «Собственность – это истинное основание и истинная порука в обязательствах между людьми» [Там же].

В отличие от Руссо, который трактовал собственность как правовое отношение, Карл Маркс придал отношению собственности экономический смысл и рассматривал его как системообразующее производственное отношение. Возникает отношение собственности не вследствие обмана, а по необходимости, и определяется оно уровнем развития производительных сил. Точнее, тем, какой элемент производительных сил играет ведущую роль в общественном производстве.

Когда отсутствует техника и человек располагает лишь самим собой да простейшими ручными орудиями труда, тогда он сам становится объектом присвоения. Возникает рабовладение. Оправдывается оно тем, что рабы – это варвары, захваченные в плен, а «дикарей» можно и должно принуждать к труду силой. Когда